

Известия 2000-15 авг. - с. 10

Вовремя — не вовремя

Выпущен CD-ROM «Дмитрий Шостакович»

25-летие со дня смерти Шостаковича отмечено маленьким событием: искусствовед и кинорежиссер Оксана Дворниченко выпустила CD-ROM, плод ее более чем двухлетних изысканий. Однако новый диск скорее является собранием упущенных возможностей.

Петр ПОСПЕЛОВ

«Много думаю о жизни, смерти и карьере. Так, вспоминая о жизни некоторых известных (я не говорю великих) людей, прихожу к заключению, что не все они вовремя померли. Например: Мусоргский умер преждевременно. То же можно сказать и о Пушкине, Лермонтове и некоторых других. А вот П. Чайковский должен был умереть раньше. Он немного зажился, и потому смерть, вернее, последние дни его жизни были ужасны... Читаешь ты эти строки и небось думаешь: к чему это он так пишет? А к тому, что я, несомненно, зажился. Я в очень многом разочаровался и жду очень много ужасных событий».

Мы уже привыкли, что о Шостаковиче нельзя мыслить иначе как в скорбно-трагическом ключе. Но настроение, выраженное в процитированном письме к Исааку Гликману, — лишь одно из многих, характерных для нового диска. От него нельзя требовать академической полноты. Он не конкурирует ни с одной из печатных биографий — приведены лишь основные факты. Список сочинений композитора исчерпывается названиями и датами премьер. Дискаграфия плохо отредактирована. Музыкальные фрагменты сильно уступают по качеству

Д. Шостакович и дирижер С. Самосуд перед премьерой Седьмой симфонии. Ленинград. 1942

профессиональным компакт-дискам. Кинохроника часто оказывается лишенной звука. Затеиливый дизайн нередко вредит удобству пользователя. Разве что фотографиями можно любоваться без помех.

Однако работа кинорежиссера-исследователя не лишена своей логики. Интерактивный компакт-диск похож на документальный фильм, который можно смотреть с разных мест. А монтажный принцип сопоставлений как нельзя лучше подходит герою рассказа, чья жизнь и чья музыка исполнены непреодолимых противоречий и контрастов.

На диске немало эксклюзивных интервью, взятых самой Оксаной Дворниченко. Кшиштоф Пендерецкий сокрушается о том, что официальный статус Шостаковича поначалу мешал

молодым польским радикалам по достоинству оценить его музыку. Родион Шедрин вспоминает, как Шостакович судил футбольный матч между двумя композиторскими командами в дилижанском Доме творчества и порывался увезти с собой на необитаемый остров партитуру «Песни о земле» Малера. Дочь композитора Галина повествует о том, что отец придерживался в домашнем быту приличного стиля одежды и возмущался соседом по даче, ходившим в трусах. Иногда случайно возникают интересные коллизии: Геннадий Рождественский в интервью говорит о том, что Шостакович не требовал от дирижеров строгого соблюдения указанных им темпов, а на заснятой репетиции оперы «Нос» композитор делает как раз Рождественскому темповые указания.

Самое ценное на диске — порой возникающий контрапункт между фактами и документами. Удачи здесь встречаются эпизодически, и вот одна из них. Среди событий 1938 года названы: премьеры Пятой симфонии в Нью-Йорке, Париже, Бостоне; фильмы с музыкой Шостаковича — «Великий гражданин», «Друзья», «Человек с ружьем»; рождение сына Максима; объявление «врагами народа» многих близких Шостаковичу людей. В документах, приуроченных к этому году, нет впрямую ничего ни о Пятой симфонии, ни о фильмах, ни даже о сыне Максиме, не говоря уже о врагах народа. Зато приведено письмо Шостаковича к теоретику Яворскому: «Так как высшим счастьем в жизни (для меня) является создание музыкальных произведений, то мне очень бы хотелось овладеть этой наукой (и искусством) в степени, близкой к совершенству. А для этого надо учиться». Так пишет композитор, уже достигший высот мастерства, и заключает: «С величайшим волнением и пламенной надеждой я буду ждать Вашего ответа».

В следующем письме Яворскому Шостакович предлагает ему ознакомиться... нет, как раз не с успешной Пятой, а с Четвертой симфонией, премьеру которой сам автор решил отменить, опасаясь очередного «сумбура вместо музыки». А в следующем послании Шостакович просит того же Яворского: «После чтения моих писем полощите горло или смесью соли с йодом (на 1 стакан воды 1 чайная ложка соли и 2 капли йода), или перекисью водорода с йодом (2 чайные ложки перекиси и 2 капли йода на 1 стакан воды). Кроме того, тщательно вытрите руки спиртом или одеколоном».

Оказывается, Шостакович опасался, что заболел дифтеритом (мотив страха присутствует, заменена причина), боялся, что уже заразил своих детей (вот и сын Максим, к тому времени двухмесячный, появляется на заднем плане), и теперь заботится о безопасности своего корреспондента.

Жаль, что подобных тонких ходов в монтаже крайне мало — хотя автор диска не боится предпочитать частное глобальному и дарит нам в качестве главного текста 1940 года сделанное Шостаковичем роскошное обзериутское описание матча «Спартак» (М) — «Динамо» (М): «Бьет Соколов, и мяч рикошетом от спины убежавшего Дементьева очутился в ногах у Соловьева. Соловьев обводит обоих Соколовых и метров с пяти неотразимо забивает под планку. 2:0».

Возможно, над диском стоило бы поработать не два года, а больше и выпустить его, скажем, к 30-летию смерти, доведя монтаж до блеска и употребив также и полемические друг другу отрывки из воспоминаний и биографий. Ведь переоценка творчества Шостаковича наступит еще не скоро, а его судьба — завершённое явление культуры. Сам автор, словно нарочно, публикует начало того же письма Гликману в следующей версии: «Много думаю о жизни, смерти и карьере. Так, вспоминая о жизни некоторых известных (я не говорю великих) людей, прихожу к заключению, что все они вовремя померли». Найдите разницу и не придавайте ей значения.

DSCH. Дмитрий Шостакович.
Документальная хроника.
Москва, «Аутопан», 2000